

УДК 82-14

МОЛИТВА

(«ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ...»)

Науменко Г.А.

В настоящей статье предпринята попытка показать, что в стихотворении А.С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...», входящем в Каменноостровский цикл под цифрой II, переосмысляется образ поэта-пророка из пушкинского стихотворения «Пророк» в соответствии с этическим идеалом христианского поэта и пророка (Ефрема Сирина). С помощью «божественной молитвы» Пушкин противопоставил христианские идеалы восточного «отца пустынноика» и поэта тираноборческим идеалам польского поэта Адама Мицкевича и его alter ago Конрада.

Ключевые слова: Пушкин, Мицкевич, подтекст, отрывок, отцы пустынноики, Сирин, поэт-пророк.

A PRAYER

(“HERMIT FATHERS AND IMMACULATE WOMEN...”)

Naumenko G.A.

This article argues that Pushkin in his short poem “Hermit Fathers and Immaculate Women...”, marked with roman numeral II in his Stone Island cycle, rethinks an image of the poet-prophet from his poem “Prophet” in accordance with an ethical ideal of the Christian poet and prophet (Ephrem the Syrian). Pushkin opposed Christian ideals of the eastern poet and “hermit father” to tyranny-fighter ideals of the Polish poet Adam Mickiewicz and his alter ego Conrad.

Keywords: Pushkin, Mickiewicz, subtext, digression, hermit fathers, Syrian, poet-prophet.

II

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи [13, III, с. 421].*

Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны...» А.С. Пушкина входит в Каменноостровский цикл под римской цифрой II. Из всех написанных на Каменном острове в 1836 г. стихотворений поэт пометил цифрами только четыре: **II** – «Отцы пустынники и жены непорочны...», в основу которого положена известная великопостная молитва Ефрема Сирина; **III** – «Подражание италиянскому», содержание которого основано на евангельском сюжете о предательстве Христа его учеником Иудой; **IV** – «Мирская власть», противопоставляющая драму Распятия Христа «мирской власти», покровительствующей Христу. **VI** – «Из [VI] Пиндемонти», говорящее о надмирной свободе творца, которому даровано Божественное откровение. Каменноостровский цикл, таким образом, основан на заключительных частях

четырёх Евангелий, повествующих о предательстве Иуды, жертвенной смерти Иисуса Христа и Его страданиях на Кресте.

«Евангельским» циклом Пушкин продолжает тему «чтения книги» о пути из рабства к Свободе во Христе, начатую в «Страннике» (1835). По сравнению с пятичастным «Странником», в Каменноостровском цикле показан «верный путь» к Свободе, о чем говорит обращение поэта к Страстным дням Христа. Христос, сын Божий (а не «юноша, читающий книгу» [13, III, с. 392]), является критерием истины в цикле. Направление развития сюжета также свидетельствует о том, что «верный путь» обретен. От приобщения к Божьей благодати в «Отцы пустынноики...» этот путь ведет к исповедальному монологу «на суде» в «Из Пиндемонта». Вдохновенному поэту даруется спасение: он не предал в себе истинного творца, а значит и истинного владыку – Христа.

«Отцы пустынноики...», или «Молитва» (так назвал Пушкин свое стихотворение в списке, составленном летом 1836 г. на Каменном острове), было написано, вероятно, 22 июля [12, с. 90], последним из четырех стихотворений, предполагаемых для «евангельского» цикла, но поставлено первым. Стихотворение построено на великопостной молитве преподобного Ефрема Сирина – христианского подвижника IV века из Северной Месопотамии, толкователя Священного Писания, гимнотворца и поэта. «Сирийский пророк» (как называли Сирина его современники) был великим учителем покаяния. По его учению прощение грехов в таинстве Покаяния – это их полное уничтожение. Творения Сирина были чужды мрачному состоянию духа, что не могло не импонировать Пушкину (если он знакомился с его трудами).

Пушкин перекладывает на поэтический язык всем известную покаянную молитву Сирина так, что при сравнении текста молитвы с ее стихотворным переложением, а также со стихотворением Пушкина «Пророк» (1826/1828), становится очевидной пушкинская мысль: христианский поэт-пророк к власти над сотворенным миром не стремится – это грех «любоначалия». К власти над миром

стремится «мирская власть» в стихотворении под цифрой IV: власть оказывает «могучее покровительство» «царю царей» [13, III, с. 417], который в ее покровительстве нисколько не нуждается. Произнося великопостную молитву, поэт стремится к духовной крепости и духовной зрячести. Обращение к теме зрячести – как в «Пророке» и «Страннике» – в «Отцы пустынноики...» включает в себя покаяние в грехах молодости (незрячести) и моделирует образ поэта-пророка, который, оставаясь поэтом, мог бы «узреть» «верный путь» к Свободе с христианской точки зрения.

В.П. Старк, выявивший логику Страстного сюжета в Каменноостровском цикле, пояснил, как происходил творческий процесс отбора тех или иных слов для «Отцы пустынноики...». В черновом варианте стихотворение начиналось словами «святые мудрецы», затем было переправлено на «отцы пустынноики». Пушкин, «постепенно уточняя свой выбор, из многих "мудрецов"» выбирает сослагателей песнопений, а из них – «пустынноиков, к числу которых принадлежал и Ефрем Сирий» [14, с. 195]. Исследователь обращает внимание на пушкинский рисунок, где «святой мудрец» изображен за зарешеченным окном. По мнению Старка, замену слова «мудрецы» и зарешеченное окно можно объяснить «лишь обращением к источнику и биографии создателя молитвы – Ефрема Сирина» [14, с. 196].

Рассмотрение стихотворения «Отцы пустынноики...» с точки зрения диалогоспора Пушкина с польским поэтом Адамом Мицкевичем о пути из рабства к Свободе позволяет расширить интерпретацию Старка. Пушкин ориентируется на вполне определенный современный контекст. Его образная система вступает в межтекстовое художественное взаимодействие с образами из поэмы Мицкевича «Дзяды» часть III и ее Петербургского раздела «Отрывок» (Ustęp). Так, исток замысла «Молитвы», выраженный фразой «чтоб сердцем возлетать во области заочны» [ст. 2], восходит, по-видимому, к четвертому стихотворению «Отрывка», «Памятнику Петру Великому».

В первых строках «Памятника Петру Великому» польский поэт рассказывает о двух «юношах», русском поэте и «страннике с Запада», которые стояли «под одним плащом» «перед колоссом Петра» и вели душевную беседу. Их «души возвысились» над всеми земными преградами [11, с. 143]. Пушкин не только по-своему, уточняя слова («сердцем взлетать во области заочны»), повторяет мысль Мицкевича, но и противопоставляет молитву (а в стихотворении под цифрой VI – исповедальную речь) светскому разговору о власти, для которого в «Памятнике Петру Великому» польский поэт «возвышает души» юношей. Так как, на самом деле, только один из юношей говорит и весь разговор сводится к монологу русского «певца вольности», то причина, по которой Мицкевич создал такой разговор, или восприятие Пушкиным этой причины, повлияли на содержание всего пушкинского стихотворения с молитвой, а возможно, и всего Каменноостровского цикла.

Мицкевич вложил в уста русского юноши-поэта слова, соответствующие его собственным понятиям о *правдивой* речи поэта и пророка (опираясь, по мнению Д.П. Ивинского на содержание какого-то реального разговора с Пушкиным [5, с. 317]). В подтексте автор подразумевал, что не высота души певца, назвавшего себя поэтом-пророком в «Пророке», заставила «прославленного» русского поэта воспевать победу России над Польшей в 1831 г., а служба царю в расчете на награду. Поэтому Мицкевич моделирует, что сказал бы настоящий русский «певец вольности» и поэт-пророк, если бы душа его возвысилась и перестала внимать «врагу» – царю. (Пушкин должен был бы предсказать гибель «Петровской империи» [11, с. 144]). Мицкевич, вероятно, жалеет, что истинный пророк, каким мог бы быть Пушкин, будь он с Мицкевичем «под одним плащом», или каким поэт был раньше, в юности, – погиб: стал *предателем* после поступления на службу к царю. Пушкин в «Отцы пустынники...» отвечает образом поэта, который не стремится быть пророком и пророчествовать народам их будущее. У Пушкина поэт сам грешный («падший») человек; он читает покаянную молитву «святого

мудреца» и отшельника, укрепляя свой дух. Но в то же время, с помощью «божественной молитвы» в стихотворении переосмысливается образ поэта-пророка из стихотворения «Пророк» в соответствии с этическим идеалом христианского поэта и пророка.

Молитва Ефрема Сирина – пример молитвенного песнопения, созданного христианским поэтом. Она резко отличается от песен Конрада – героя драматической поэмы Мицкевича «Дзяды» III. В «Сцене I» поэмы узники Базилианского монастыря поют о грядущем мщении царю и о доверчивости молящегося народа. В песне «Молись доверчивый народ!» этика христианской морали поглощается неверием в то, что «Иисус, Мария» могут помочь народу спастись от царя и его слуг:

Пока проклятый живоглот, –

Иисус, Мария!

Здесь Новосильцев пьет и жрет, –

Иисус, Мария!

Пока не сверг царя народ, -

Иисус, Мария!

Не верю, что от них спасет

Иисус, Мария!

Конрад эту песню останавливает:

Стой! Этих двух имен, коль пьешь, не поминай!

Хотя не верю я давно ни в ад, ни в рай,

Хоть безразличны мне и бог и все святые, -

Не смей кощунствовать над именем Марии [9, с. 134-135].

Но Конрад также поет кощунственную песню, хотя и с другими словами: «И песня к великому мщенью зовет / Так с богом или пусть против бога – вперед! / Мы кровь его выпьем, / Зубами, ногтями / Вопьемся, разрубим врага топором» [9, с. 138]. Кощунство Конрада объясняется участием в его судьбе потусторонних

духов, посланных сатаной. В «Сцене II. Импровизация», герой «бросает вызов» прославленным «мудрецам» и «поэтам». Он не верит больше в действенную силу их песнопений («Что песнотворец миру?») и требует у Бога власти над «душами людей» («жечь сердца людей» в переводе В. Левика), чтобы спасти свой народ от власти царя [9, с. 143-145]. Молитва ксендза Петра, а также любовь к безгрешной Марии спасают героя от власти сатаны.

Пушкин мог сравнить узника Конрада, автора песни-проклятия, с Ефремом Сириным, автором песни-молитвы. В преданиях о жизни Сирина говорилось, что в юности, попав в темницу, Ефрем услышал во сне голос, призывавший его к покаянию. Он стал думать о своих ошибках и уразумел Промысел Божий [4, с. 8]. «Сирийский пророк» вел подвижническую жизнь в пустыне; он создавал гимны и молитвенные песнопения для народа, направленные на злобу дня против различных ересей.

Религиозному сюжету обращения к вере следует и Мицкевич. В тюремной келье во сне поэт (Густав) слышит голос ангела-хранителя, который призывает его осознать свое предназначение. Поэт попал в темницы по Божьей воле, чтобы в одиночестве обрести мудрость, как пророк обретает мудрость в пустыне; тираны выпустят его на свободу. Проснувшись, поэт сомневается, что во сне он слышал голос Бога. Если тираны и выпустят его из тюрьмы, все равно «под скипетром царя свобода невозможна» [9, с. 118]. Густав выбирает путь борьбы с тиранами и пишет по латыни: «Богу наилучшему, наивысшему». – Густав. – Умер в 1823 году – 1 ноября – здесь родился Конрад в 1823 году, 1 ноября» [9, с. 578]. (Первый день ноября – день «дзядов»).

Биограф Мицкевича Мария Дерналович поясняет эту сцену из «Пролога» поэмы: «В ночь поминовения умерших, таинственную ночь "дзядов", одинокий трагический бунтарь принимает имя Конрада, имя героя "Валленрода", активного борца за счастье народа. Эта символическая замена имен означает выход из порочного круга индивидуализма. Конрад – поэт, больше того, он – пророк и

духовный руководитель своего народа» [3]. «Быть может, именно наш народ, – писал Мицкевич Иоахиму Лелевелю 23 марта 1832 г. – призван проповедовать народам евангелие народности, морали и религии... » [Цит. по: 7]

Автор перевоплощает своего автобиографического героя, поэта и частного человека Густава, в поэта-пророка и борца Конрада. Параллель с преображением поэта в пророка в пушкинском «Пророке» кажется очевидной. В первой редакции «Пророка» поэт, «великой скорбию томим» [24, III, с. 578], был преображен в пустыне, и «Бога глас» призвал его исполниться Божественной волей и «глаголом жечь сердца людей» [23, II, с. 304]. «Пророка» Мицкевич считал самым главным стихотворением в пушкинской лирике и полагал, что Пушкину не хватило силы духа и моральной твердости, чтобы осуществить провозглашенную им программу.

Мицкевич осознал себя поэтом-пророком: на его стихи откликнулся польский народ, воспринявший «Конрада Валленрода» (1828), поэму о мщении врагу, захватившему Литву, как призыв к борьбе против России. Поэтому польский поэт отнес перевоплощение Густава в Конрада не ко времени поражения польского восстания и создания «Дзядов» III, а к 1823 г., времени своего пребывания в тюрьме, в Базилианском монастыре. В том времени, в тех кельях, продолжал жить в его памяти образ себя и сотоварищи по судьбе Польши, подвластной России. Пробравшись из Рима к границе Польши в 1831 г. и оставаясь в Познанском герцогстве до поражения польского восстания, Мицкевич частично вернулся в то время, к себе-«Густаву», ещё не побывавшему в России и Европе, и, вероятно, по своему самоощущению, должен был сделать выбор между «только поэтом» – и поэтом-борцом за национальную независимость Польши. «Дзяды» III явились художественным воплощением этого выбора; Петербургский раздел поэмы, антирусский «Отрывок», дал ему законченное обоснование.

Мицкевич построил свой семичастный «Отрывок», следуя модели и символике, господствующей в христианской культуре. Опираясь на Откровение Иоанна Богослова, и используя тексты Ветхого и Нового Завета, поэт огласил

«евангелие народности, морали и религии». На пушкинский упрек «клеветникам России» он ответил библейскими пророчествами, предвещая кары и гибель империи. Поэт подтвердил свою верность делу декабристов – «пророков» Свободы – и посвятил «Отрывок» *друзьям-москалям*, чтобы его «едкая и жгучая горечь» «жгла» их оковы, возвещая благую весть о вольности [10, с. 174]. Написанные тогда же «Книги польского народа и польского пилигримства» (1832) Мицкевич завершил молитвой (*Litania pielgrzymiska*) о ниспослании «всеобщей Войны за свободу народов» [Цит. по: 15, с. 484] – то есть войны, прежде всего, против России, которая должна привести к освобождению Польши.

Старк обратил внимание на то, что в молодости Пушкин еретически пользовался текстом Великопостной молитвы Сирина. В письме к Дельвигу (1821), передавая пожелания Кюхельбекеру, поэт пародировал назидательный текст молитвы: «Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу – дальний друг не может быть излишне болтлив» (Вторник Страстной недели, 23 марта) [Цит. по: 12, с. 197].

Можно привести и другие примеры из писем и стихов «богохульной юности поэта» [16, с. 40]. Богоматерь, в безгрешности природы Которой Ефрем Сирин не сомневался, в пушкинской «Гавриилиаде» (1821) была также еретическим образом. (Поэма попала к Петербургскому митрополиту, который передал дело в Верховную комиссию для выяснения, «кто мог сочинить подобную мерзость», – слова царя Николая I [1, с. 501]). Поэтому Старк имел все основания утверждать, что «работа над первой частью стихотворения выявляет стремление Пушкина вложить особенное отношение к молитве Ефрема Сирина. Исправления носят личностный характер, свидетельствуют о желании точнее передать свое душевное состояние» [14, с. 196].

И все же «Молитва» в контексте Каменноостровского цикла и статей 1836 г. обращена не только к раскаянию в грехах молодости. В первую очередь она

адресована тем, кто, как автор «Дзядов», хочет «жечь сердца людей», призывая их к борьбе с царем во имя Свободы во Христе. Декабристы еще отбывали сроки; Кюхельбекер в конце 1835 г. был досрочно освобожден и жил на поселении в забайкальском городке Баргузине. По мнению Пушкина, продолжение дела декабристов было неуместным и вело к новым тюрьмам и казням, к повторению пройденного ошибочного пути, что подтверждает статья «Александр Радищев» (1836). В этой статье поэт писал, что вместо того, чтобы поносить беззаконие и власть, было бы полезнее «указывать на благо, которое власть в состоянии сотворить» [13, XII, с. 36]. «Вслед Радищеву восславить Свободу» по Пушкину в 1836 г. означало усвоить уроки пройденного «и милосердие воспеть» [13, III, с. 1034]. Пройденным был республиканский идеал Древнего Рима, кинжал и меч в борьбе против тирана и героическая смерть или самоубийство. Молитвой о смирении Пушкин ответил Мицкевичу на его призывы к борьбе, и статья «Александр Радищев» в подтексте была адресована, вероятно, также польскому поэту. (Отсюда ее резкий тон по отношению к почитаемому Пушкиным Радищеву).

В «Отцы пустынноики...» Пушкин вместе со своим лирическим героем («падшим» поэтом) как бы встает на место заключенного в Базилианском монастыре «падшего» героя Мицкевича и говорит противоположное тому, что говорил Конрад. Поэт не требует никаких прав от Бога, не стремится к «власти над душами», никого не обвиняет и не призывает (как в молодости) к убийству тирана. Он сосредоточен на *чужом* слове молитвы. Молитва «падшего крепит неведомую силой» [ст. 9]. И Пушкин обращается к покаянной молитве «пустынника», в которой нет ни капли мудрости светской. Выбор молитвы определяет личное покаянное чувство и «римско-итальянская» тема Каменноостровского цикла и «Отрывка».

Во втором стихотворении «Отрывка», «Пригороды Петербурга», узоры густого дыма из петербургских труб напоминали автору-путешественнику

роскошные сады древнего Вавилона. Это первое упоминание Вавилона по отношению к Петербургу в цикле Мицкевича, второе – в «Олешкевиче». Но во всех стихотворениях «Отрывка» имперский Петербург изображен, как «Вавилон» – апокалиптический символ безнравственности и беззакония «римской империи» из Откровения Иоанна Богослова. («Жилище бесов», где в великой роскоши блудодействуют царь земной и его сатрапы [Отк. 18:1-24]). Опираясь на идею богоизбранности народов (одну из основных идей в книгах Ветхого Завета), Мицкевич указал на создание «Петровской империи», как на преступление против Божественной основы жизни: «Для цезарей цирк воздвигали когда-то, / И золото в Риме струилось рекой, / А в этих снегах, чтоб дворцы и палаты / Воздвиглись на радость холопам царя, / Лились наших слез, нашей крови моря. / И сколько измыслить пришлось преступлений, / Чтоб камня набрать для огромных строений, / И сколько невинных убить иль сослать, / И сколько подвластных земель обобрать!» [9, 244-245].

Поэт сравнил строительство Петербурга Петром I со строительством цирка Колизей в Древнем Риме. В ранней христианской традиции Колизей (*Colosseum* – колосс, огромный) ассоциировался с пытками и мучениями первых христиан, считавшихся причиной всех бедствий в государстве. Мицкевич называет строительство Петербурга причиной неисчислимых бедствий Польши («моря наших слез и крови» [17]). В четвертом стихотворении «Отрывка» он назовет «памятник Петру Великому» колоссом, а в шестом стихотворении Олешкевич, читая «таинственные книги» («księgi tajemnicze»), предскажет, что Вавилон (Петербург) погибнет от Божьего гнева.

В «Страннике» герой, восприняв эсхатологическое пророчество в «долине дикой», в тоске и скорби повторял слова из «Откровения»: «горе, горе!». В «Отцы пустынноики...» (следующем, вероятно, за четверостишием «Напрасно я бегу к сионским высотам...»), где описана дикая пустыня), герой не впадает в скорбь, а повторяет покаянную молитву «отца пустынноика». «Божественная молитва» дает

возможность противопоставить христианское упование на спасение – апокалиптическим образам и пророчествам.

Обращаясь к «отцам пустынноикам», Пушкин имел в виду первых монахов и «первоначальных пастырей Церкви» [13, XII, с. 99], обретавших мудрость в пустыне. Монашество в первой половине IV века распространилось по Египту и затем по всей Палестине и Сирии. Древнее название территории Палестины, Сирии и Финикии – это в Ветхом Завете земля Ханаан, прообраз Земли обетованной, куда из египетского рабства вел свой народ пророк Моисей. Продолжая диалог с Мицкевичем о «верном пути» на «Сион» и выбирая молитву «сирийского пророка», Пушкин переходит от «пятикнижия» в «Страннике» к «четырехкнижию» в Каменноостровском цикле.

Пушкин включает в текст первого стихотворения «евангельского» цикла покаянную молитву *восточного* «мудреца», «пустынника» и поэта, в то время как герой поэмы Мицкевича пишет углем на стене или колонне, поддерживающей тюремные своды, о перерождении поэта в борца Конрада. Конрад ощущает в себе дух ветхозаветного героя-судьи Самсона, мстящего поработителям: «Уже душа моя все силы напрягла, / Уж уподобен я Самсону / В тот миг, когда слепец расшатывал колонну» [9, с. 143].

Святого отшельника Ефрема Сирина изображали как аскета, сидящего в пещере, стоящего в мантии с книгой или со свитком в руках. Пушкин сопроводил стихотворение рисунком сторбленного старца в келье с зарешеченным оконцем. Это может быть и постаревший Мицкевич (или его *alter ego* Конрад), так и не обрушивший своды храма «римской империи», но заканчивающий свою жизнь узником за решеткой.

В черновом варианте первой строки «Молитвы» Пушкин обращался к «мудрецам» («святые мудрецы»), которым герой Мицкевича бросил вызов. Но мудрым был изображен и римский император Марк Аврелий в монологе «Пушкина» из «Памятника Петру Великому». «Пушкин» противопоставлял

римского императора-«отца» («отец миллионам детей» [17]) русскому «кнутодержцу в тоге римлянина» [11, с. 143]. «Отцы пустынноики...» в этом смысле сужают сферу отсылок, исключают представителей «мирской власти», но мудрость подразумевается. Слово «пустынноики» помогает ввести тему поэта-пророка («В пустыне мрачной я влачился»), которая становится связующим звеном в диалоге Пушкина с польским поэтом в данном стихотворении. Пушкин «пересоздает» своего поэта-пророка в соответствии с этическим идеалом христианского поэта и отшельника. Как писал Измайлов, идеал «всем известный и вместе с тем нимало не соответствующий понятиям окружающих автора людей» [6, с. 33].

Сильвио Пеллико, итальянский писатель, осужденный в 1820 г. на 15 лет за принадлежность к движению революционеров-карбонариев, привлек внимание Пушкина на фоне как раз диалога с Мицкевичем, и шире – с Западом. Пушкин публикует в третьем томе своего «Современника» (готовился летом 1836 г. на Каменном острове) без подписи заметку «Об обязанностях человека», книге Сильвио Пеллико. Поэт пишет, что в темницах Пеллико пришел «к умиленным размышлениям, исполненным ясного спокойствия, любви, доброжелательства» [13, XII, с. 99]. Несколькими строками ниже он намеренно упоминает слово «Фиваида» (*Thebaid*). «В тишине Фиваиды» вызывает ассоциации с раннехристианским монашеством, но, одновременно, означает неучастие в братоубийственном польско-русском конфликте, «новом примере древней фивской вражды», по словам Вяземского [2]. Написать книгу, «исполненную сердечной теплоты», и заинтересовать ею читателей можно и не бунтуя против власти, не за решеткой, имеет в виду Пушкин. «Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимания человека, одаренного сердцем? Не можем поверить ...» [13, XII, с. 100].

Пушкин как бы сравнивает двух узников – Пеллико и Мицкевича (или его героя Конрада), описывая покой, душевную ясность и благосклонность ко всем автору книги, «приближающегося кротостию духа» «к проповеди небесного учителя». Поэт мистифицирует свое «зломыслие» по отношению к подлинности чувств Пеллико, чтобы подчеркнуть, что «светлый мир порядка», согласие «головой с сердцем» определяют «тайну прекрасной души, тайну человека-христианина». По мысли Пушкина, книга Пеллико создана для человека, одаренного сердцем, как и Евангелие – книга, «из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*» [13, XII, с. 99].

Пушкин подчеркивает, что содержание Евангелия знают все, «во всех концах земли», то есть не только в Польше или на Западе, но и в России, намекая на антирусскую традицию, которую поддержал Мицкевич. В первом стихотворении «Отрывка» («Дорога в Россию») перед польским поэтом предстает страна, в которой о Боге и добрых делах не имеют никакого представления: «Бела, как пустая страница, она. / И Божий ли перст начертает на ней / Рассказ о деяниях добрых людей...?» [9, с. 239]. Русские, по словам Пушкина, делились с Мицкевичем «чистыми мечтами и песнями» («Он между нами жил...»), поэту-изгнаннику в России помогали (мотив неблагодарности в «Предисловии» к «Путешествию в Арзрум» как скрытая аллюзия к диалогу с Мицкевичем). Надо полагать, что тем поразительнее для Пушкина был отказ Мицкевича от своего личного духовного опыта в России, от «одаренного сердца» «человека-христианина» и присоединение к сложившейся антирусской традиции.

Тему одаренного сердца Пушкин развивает в «Молитве», обращаясь к «отцам пустыннокам и женам непорочным». («Жены непорочны» – собирательный образ чистоты духа, связанный с именем Мария, а также аллюзия на героинь Мицкевича, навеянных образом Богородицы). Герой «Молитвы» – это тот же я-поэт, что и в «Пророке», но Пушкин корректирует или даже пересоздает

своего поэта-пророка, *изымая* из его груди пылающий огнем уголь, а из уст – жало змеи.

Во-первых, поэт больше не называет себя пророком, а ассоциирует образ поэта-пророка с автором молитвы – одним из величайших христианских поэтов древности. Божественное слово покаянной молитвы родственно духовному миру пушкинского поэта («всех чаще мне она приходит на уста» [ст. 8]). Молитву Сирина повторяют «во дни печальные Великого поста», что подчеркивает особенную близость духа молитвы *восточного* «мудреца» заветам Христа. В «Пророке» герой до преобразования «влачился в пустыне» – в духовной пустыне. Теперь он повторяет молитву святого «отца пустытника», для которого пустыня (географическая) была обетованным местом. «Пророк» заканчивался призывом Бога к поэту исполниться божественной волей и «глаголом жечь сердца людей». Это была кульминация стихотворения. Теперь поэт не обращает свой «глагол» на сердца людей. Наоборот, словами молитвы он обращается к «владыке дней своих», чтобы укрепить свой дух. Кульминацией становится средняя строка с прошением к Богу дать возможность видеть собственные прегрешения. У поэта нет ризы, как в пушкинском «Арионе». Священник повторяет молитву – значит ризы должны быть на нем. Включая молитву в текст своего стихотворения, Пушкин противопоставляет «умилению» при чтении молитвы – «унынию» своего странника: «унынием изнывающего» «духовного труженика» [13, III, с. 392].

В «Пророке» шестикрылый серафим вложил в «уста» поэта «жалю мудрыя змеи». Вместо «жала змеи» в строках «Молитвы» возникает образ «любоначалия, змеи сокрытой сей» [ст. 11], как тайного желания встать над людьми и властвовать. В сириинской молитве нет образа «змеи сокрытой». Великопостная молитва Ефрема Сирина, которой пользовался Пушкин, звучит следующим образом: *«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми, дух же целомудрия, смиренномудрия,*

терпения и любви, даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь» [Цит. по 8, с. 88].

Грех любоначала («змеи сокрытой») ставит под сомнение божественную природу слова поэта-пророка. В «Молитве» «беззаконие» греха удалено, как было удалено и в «Пророке» («вырвал грешный мой язык»). Праздность теперь свойство души, а не языка, хотя душевная праздность связана с празднословием и унынием. Поэт обращается к Богу («Боже») с просьбой дать ему «зреть» собственные прегрешения. «Зреть» свои прегрешения и есть стать зрячим и обрести «верный путь». (Странник для обретения зрения обращался к «юноше, читающему книгу»). В «Пророке» посланник шестикрылый серафим «отверз вещие зеницы» и по воле Бога сотворил чудо. Здесь «чудо» должно произойти по прошению смиренного поэта у Бога. Трепетное сердце поэта-пророка было заменено «углем, пылающим огнем». «Угль» – символизировал духовное очищение. (Библейский символ сгорающего угля использовали и итальянские карбонарии в ритуале очищения; Мицкевич писал углем о своем перерождении поэта в борца). Теперь поэт просит «оживить» (не «даровать», как в молитве Сирина) уже дарованные свойства, выжженные пламенным нетерпением сердца; эти свойства – дух смирения, терпения, любви. Они нужны поэту, чтобы «среди дольных бурь и битв» [ст. 3] не падать духом, но «сердцем возлетать». Слово «дольные» напоминает о доле поэта в «мирской» жизни и о «долине дикой», в которой странник встретился с враждебной силой и от которой бежит по дикой пустыне олень в пушкинском четверостишии.

Молитва нужна для наставления себя (а не осуждения другого). Противительным союзом «но» и перестановкой порядка предложений в оригинальной молитве, Пушкин делает *четвертую* строку: «Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья» – самым главным прошением. Оно занимает центральное положение в *семистрочной* молитве [ст. 10-16], и число четыре, помимо создания

симметричной композиции, усиливает просьбу о целомудрии: имеется в виду духовная целостность. Стоящее в середине предложения и выделенное обращением к Богу слово «мой», несет смысловую нагрузку и продолжается прошением: «Да брат мой от меня не примет осужденья» [ст. 14]. От примирения с братом и приобщения к «чужому слову» христианской молитвы поэт чувствует умиление (благодать), так как божественное слово не жжет сердце грешного человека, а исцеляет.

В «Страннике» «верный путь» к спасению – приобщению к Божьей благодати (путь на Сион) – не был найден. Теперь он обретен, что подтверждает причастность молитвы к Страстям Христа. Великопостная покаянная молитва Ефрема Сирина произносится каждый день в первые дни Страстной недели. В содержание богослужения Великого вторника (пушкинская цифра II) входят притчи, рассказанные Иисусом, о десяти девах и о талантах. Их смысл – призыв к употреблению дарованных способностей и чувств на дела милосердия, «не зарывания таланта в землю». Обращением к Страстным дням Христа в первом стихотворении «евангельского» цикла утверждается, что в дарах сердца и применении таланта с милосердной целью заключается «верный путь» для поэта, стремящегося к Свободе и христианскому спасению.

Таким образом, главный итог первого стихотворения четырехчастного цикла – создание образа преображенного поэта (поэта-пророка?) – смиренного и с трепетным сердцем, которое дарует ему способность «возлетать во области заочны», а значит оставаться поэтом-творцом. Пушкин отказался смотреть на мир сквозь призму мессианизма и быть эпигоном по отношению к библейским пророкам, как Мицкевич. Он отказался быть и поэтом-пророком Свободы, как декабристы, предполагающие цареубийство, хотя, как и декабристы, как и Мицкевич, он не был удовлетворен политической властью в России. Отношение к собственной миссии и к Свободе у Пушкина было другим. Поэтому он противопоставил тираноборческим идеалам польского поэта-пророка и его узника

Конрада – христианские идеалы «сирийского пророка» и поэта, который в темницах уразумел Промысл Божий. (В заметке о Сильвио Пеллико поэт привел подобный пример из жизни современного итальянского писателя). У христианского поэта нет претензий на то, чтобы властвовать, пророчествовать исторические события и предсказывать народам их будущее. Не в этом дело поэта!

Список литературы:

1. Бонди С.М. Комментарий к поэме А.С. Пушкина «Гавриилиада» // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 томах. Т. 3 / Под редак. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, и др. М.: Гослитиздат, 1960. С. 498-501.
2. Вяземский П.А. Сонеты Мицкевича [Электронный ресурс] // Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова [сайт]. 27 января 2009. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0400.shtml (дата обращения: 22.02.2014).
3. Дерналович М. Адам Мицкевич [Электронный ресурс] // Биография.Ру [сайт]. 2014. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/mickevich.html> (дата обращения: 14.02.2014).
4. Жизнь и труды преподобного Ефрема Сирина // Ефрем Сирин. Творения. Барнаул: Изд-во прп. Максима Исповедника, 2005. Т. 1. С. 3-27.
5. Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М.: Языки славянской культуры, 2003.
6. Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. М.-Л.: АН СССР, 1958. Т. 2. С. 7-48.
7. Ларионова Е.О. Курс лекций Адама Мицкевича в College de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианства [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. 2014. URL: <http://goo.gl/OJVhWr> (дата обращения: 15.09.2014).

8. Лепяхин В.К. «Отцы пустынноики и жены непорочны...»: (Опыт подстрочного комментария) // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 6. С. 87-96.
9. Мицкевич Адам. Избранные произведения: В 2-х томах. М.: Художественная литература, 1955. Т. 2.
10. Мицкевич Адам. «Русским друзьям» (*Do Przyjaciół Moskali*) в построчном переводе Н.К. Гудзия // Цявловский М.А. Мицкевич и его русские друзья // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: АН СССР, 1962. С. 174-175.
11. Мицкевич Адам. «Олешкевич» (*Oleszkiewicz*), «Памятник Петру Великому» (*Pomnik Piotra Wielkiego*) в построчном переводе Н.К. Гудзия // Мицкевич А. Олешкевич. Памятник Петра Великого // Пушкин А.С. Медный всадник / Изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 137-144.
12. Предположение жить: 1836 [Сборник] / Сост. А.Г. Битов. М.: Независимая газета, 1999.
13. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 томах / Под ред. М.А. Цявловского, Т.Г. Цявловской-Зенгер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
14. Старк В.П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 10. С. 193-203.
15. Стахеев Б.Ф. Романтизм после 1831 г.: [Польская литература]. Мицкевич в эмиграции // История всемирной литературы: В 8 т. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 483-486.
16. Davidov Sergej. Puskin's Easter Triptych: "Hermit Fathers and Immaculate Women", "Imitation of the Italian", and "Secular Power" // *Puŝkin Today*, ed. David M. Bethea. (Bloomington: Indiana UP, 1993). С. 38-58.

17. Mickiewicz A. Dziady cz. III, Dziadów cz. III Ustęp [Электронный ресурс]
// Adam Mickiewicz. Wirtualna biblioteka literatury polskiej [сайт]. 2014. URL:
<http://literat.ug.edu.pl/~literat/dziadypo/index.htm> (дата обращения: 14.06.2014).

Сведения об авторе:

Науменко Галина Абрамовна – доктор философии (специальность – русская литература), преподаватель Образовательного центра «Vidi Vici» (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Naumenko Galina Abramovna – Doctor of Philosophy (PhD in Russian Literature), teacher of Educational Center “Vidi Vici” (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: naumenko1@mail.ru.